

НИКОЛАС СПАРКС

СПЕШИ ЛЮБИТЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44
С71

Серия «Эксклюзивная классика»

Nicholas Sparks
A WALK TO REMEMBER

Перевод с английского *В. Сергеевой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства
Grand Central Publishing, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Спаркс, Николас.

С71 **Спешите любить** : [роман] / Николас Спаркс; пер.
с англ. В. Сергеевой. — Москва: Издательство АСТ,
2016. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-100426-2

Тихий городок Бофор.

Каждый год Лэндон Картер приезжает сюда, чтобы вспомнить историю своей первой любви...

Историю страсти и нежности, много лет назад связавшей его, парня из богатой семьи, и Джейми Салливан, скромную дочь местного пастора.

История радости и грусти, счастья и боли.

Историю чувства, которое человеку доводится испытать лишь раз в жизни — и запомнить навсегда...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Nicholas Sparks Enterprises Inc., 2002

© Перевод. В. Сергеева, 2008

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

*Моим родителям, которых я люблю и помню, —
Патрику Майклу Спарксу (1942—1996) и Джил
Эмме Марии Спаркс (1942—1989), а также брату
Мике и сестре Даниэле, от всей души.*

От автора

Хочу поблагодарить свою жену Кэти. Я был в восторге, когда она приняла мое предложение; и еще более рад тому, что за десять лет мы не утратили своих чувств. Спасибо ей за лучшие годы моей жизни.

Я благодарен своим сыновьям Майлсу и Райану, которые занимают особое место в моем сердце и для которых я просто папа. Я люблю их обоих.

Спасибо Терезе Парк, моему агенту, другу и соратнику. Словами невозможно выразить то, сколь много она для меня сделала.

Джейми Рааб, редактор «Уорнер букс», на протяжении последних четырех лет также неизменно становится объектом моей признательности. Он лучше всех.

Спасибо всем тем, кто поддерживал меня на этом пути, — Лари Киршбауму, Морин Иген, Джону Эйхерну, Дэну Мэнделу, Ричарду Грину, Скотту Швимеру, Линн Гаррис, Марку Джонсону и Денизе Ди Нови. Я счастлив, что мне довелось работать с ними.

Пролог

В семнадцать лет моя жизнь изменилась навсегда.

Некоторые люди удивляются, услышав это. Они смотрят на меня, словно пытаюсь угадать, что именно могло случиться в далеком прошлом, но я редко снисхожу до объяснений. Я готов рассказывать не иначе как на собственных условиях — а это займет куда больше времени, чем обычно готовы уделить мне слушатели. Эту историю не уложишь в две-три фразы, ее невозможно превратить в нечто простое. Хотя прошло сорок лет, еще живы те, кто знал меня в молодости, — и они не станут спрашивать. Моя история в некотором роде и их история тоже, потому что все мы — ее участники.

Мне пятьдесят семь, но даже сейчас я помню случившееся до мельчайших деталей. Часто

воскрешаю в памяти то время, переживаю его заново и неизменно испытываю странную смесь печали и радости. Иногда мне хочется вернуться в прошлое и исправить ошибки, но я понимаю, что тогда уйдет и радость. Поэтому смиряюсь со своими воспоминаниями и принимаю все как есть. Мысли о былом уводят меня далеко-далеко. И это случается чаще, чем вы могли бы подумать.

Сегодня двенадцатое апреля. Идет последний год XX века; выходя из дому, я оглядываюсь. Небо пасмурное и серое, но повсюду цветут азалии и кизил. Не до конца застегиваю куртку. На улице холодно, но я знаю — всего через пару недель погода наладится, а облака разойдутся. Придет пора, когда Северная Каролина станет одним из самых прекрасных мест на свете.

Я закрываю глаза, и годы начинают обратный отсчет подобно стрелкам часов, которые крутятся в другую сторону. Словно со стороны наблюдаю за тем, как становлюсь моложе; волосы делаются из седых каштановыми, морщинки вокруг глаз разглаживаются, мускулы становятся крепче. Уроки, выученные с годами, забываются, по мере приближения достопамятного года ко мне возвращается невинность.

Мир, как и я, начинает меняться: дороги сужаются, асфальт сменяется гравием, городские

улицы — проселками. Прохожие заглядывают в витрины, проходя мимо булочной и мясной лавки. Мужчины в шляпах, женщины в платьях. На здании суда в конце улицы звонит колокол.

Я открываю глаза и понимаю, что стою перед дверью баптистской церкви. Меня зовут Лэндон Картер, и мне семнадцать лет.

Вот моя история, обещаю ничего не пропускать.

Сначала вы будете улыбаться, а потом плакать — и не говорите, что вас не предупреждали.

Глава 1

В 1958 году Бофор, что расположен в Северной Каролине неподалеку от Морхед-Сити, ничем не отличался от большинства маленьких городков. В этих местах влажность летом настолько высока, что, выйдя на минутку за почтой, покрываешься потом. Дети с апреля по октябрь бегают босиком среди дубов, поросших испанским мхом. Водители машут из окон машин, когда замечают прохожих, — не важно, знакомых или нет, — а в воздухе пахнет хвоей, солью и морем. Уникальный аромат Каролины. Многие здешние жители занимаются рыбалкой в Памлико-Саунд и крабовым промыслом в Ньюз-Ривер, поэтому вдоль всего Берегового канала причалены лодки. Связь плохая, и телевизор едва работает, хотя для тех, кто вырос здесь, это не так уж важно. Центром нашей

жизни всегда являлась церковь — а их только в пределах города стояло восемнадцать: Христианская братская церковь, Церковь прощенных, Церковь воскресного искупления и так далее. Во времена моего детства баптисты были самой многочисленной конфессией в здешних краях, их церкви возвышались буквально на каждом углу — и каждая считала себя лучше остальных. В городе имелись баптисты всех сортов — Свободной воли, южные, конгрегационалисты, миссионеры, независимые... короче говоря, вы меня поняли.

В те времена одна из баптистских церквей — так называемая Южная, — объединившись с местной средней школой, взялась оказывать поддержку одному важному мероприятию. Каждый год в Бофорском драматическом театре организовывали «рождественское представление», то есть ставили пьесу, написанную Хегбертом Салливаном, местным священником, который служил здесь, наверное, со времен Моисея. Это, конечно, преувеличение, но от старости Хегберт сделался каким-то прозрачным. Кожа у него была очень тонкая — честное слово, было видно, как кровь бежит по венам, — а волосы белые, точь-в-точь шерстка у пасхального кролика.

Так или иначе он написал пьесу под названием «Рождественский ангел», потому что ему на-

доело из года в год ставить классическую «Рождественскую песнь» Диккенса. В представлении Хегберта Скрудж был язычником, который раскался лишь потому, что увидел призраков, не ангелов, — а где сказано, что они снизошли с небес? И кто поручится, что Скрудж вновь не впадет в грех? В пьесе об этом ничего не говорится, зрители вроде как принимают все на веру, но Хегберт не доверял призракам, если не мог удостоверить, что их послал Бог. В том-то и была проблема. Несколько лет назад он изменил концовку пьесы Диккенса, точнее, дописал; в его версии старик Скрудж стал проповедником и отправился в Иерусалим искать место, где Иисус некогда учил апостолов. Вышло не слишком убедительно; даже прихожане восприняли новшество с явным удивлением, а в газете написали: «Хотя трактовка, конечно, интересная, но все-таки это не та пьеса, которую мы все знаем и любим...»

Поэтому Хегберт решил сочинить собственную пьесу. Всю жизнь он писал проповеди; некоторые из них, должен признать, действительно были небезынтересны, особенно когда речь заходила о «Божьем воздаянии за блуд». Честное слово, священник просто из кожи вон лез, когда заговаривал о прелюбодеянии, это был его конек.

В детстве мы с приятелями прятались за деревьями, когда видели старика на улице, орали ему вслед «Хегберт — прелюбодей!», хихикали как идиоты и, конечно, считали себя самыми умными существами из всех, что когда-либо населяли нашу планету.

Старина Хегберт замирал как вкопанный и навострялуши — клянусь, они действительно шевелились! Он густо краснел, будто хлебнул бензина; на шее надувались огромные зеленые жилы, похожие на карту реки Амазонки в Национальном географическом атласе. Прищурившись, он оглядывался в поисках хулиганов, а потом столь же внезапно вновь начинал бледнеть, пока кожа не обретала прежний безжизненный оттенок. Клянусь, на это стоило посмотреть.

Повторяю, мы прятались за деревом, а Хегберт (надо же было родителям дать ему такое имя!) стоял и ждал, пока мы не выдадим себя, — видимо, он считал нас круглыми дураками. Мы зажимали рты руками, чтобы заглушить смех, но в конце концов Хегберт неизменно нас вычислял. Он поворачивался, пока не оказывался лицом к нашему укрытию, и взгляд его блестящих глаз устремлялся прямо на меня.

— Я знаю, что это ты, Лэндон Картер, — говорил он. — И Бог тоже знает.

Подождав минуту для пушшего эффекта, Хегберт шагал прочь, а во время воскресной проповеди указывал на нас и провозглашал что-нибудь вроде: «Бог милостив к детям, но и дети не должны Его разочаровывать». Мы сползали под скамью не от стыда, а чтобы скрыть новый приступ смеха. Странно, но Хегберт совершенно нас не понимал — а ведь у него у самого был ребенок. Дочь. Хотя об этом позже.

Так или иначе, как я уже сказал, однажды Хегберт написал «Рождественского ангела» и решил его поставить. Сама по себе пьеса была вовсе не плоха, что изрядно удивило зрителей на премьере. История мужчины, который несколько лет назад овдовел. Главный герой, Том Торнтон, некогда был очень религиозен, но пережил кризис веры, когда его жена умерла родами. Он растит дочку один, хотя отец из него не бог весть какой. На Рождество девочка хочет музыкальную шкатулку с ангелом на крышке — такую она видела в старом журнале. Торнтон ищет изо всех сил, но безуспешно. Так вот, наступает сочельник, а он по-прежнему бродит по магазинам и вдруг встречает странную женщину, которую прежде никогда не видел. Та обещает его выручить, но сначала они помогают бродяге (в те годы, помнится, их называли просто бездельниками), затем навеща-

ют сирот в приюте, потом заходят в гости к одинокой старушке, которой хочется с кем-нибудь поболтать в канун Рождества. Наконец загадочная дама спрашивает у Тома, о чем он мечтает; тот, разумеется, хочет, чтобы жена была с ним. Дама подводит его к городскому фонтану и приказывает посмотреть в воду; Том видит лицо своей дочери и начинает рыдать. Пока он плачет, таинственная дама исчезает; Том ищет, но нигде не может ее найти. Наконец он возвращается домой, вспоминая все случившееся в этот вечер. Он заходит в спальню к девочке, осознает, что она единственное, что связывает его с покойной женой, и снова начинает плакать, потому что до сих пор был не самым лучшим отцом. На следующее утро под елкой чудесным образом оказывается музыкальная шкатулка, и ангел на крышке как две капли воды похож на загадочную незнакомку.

Честное слово, это было не так уж плохо. Люди плакали, когда смотрели. Каждый год билеты распродавали до единого. Пьеса сделалась такой популярной, что Хегберту пришлось ставить ее уже не в церкви, а в Бофорском драматическом театре, который располагал большим зрительным залом. К тому времени, когда я стал старшеклассником, «Рождественский ангел» не-